

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Kreja B. O akategorialnym przyrostku ekspresywnym *-uchn-* (por. *mat-uchna*, *mal-uchn-y*, *plak-uchn-ac*) // Studia i szkice słowotwórcze. Gdańsk 2002, s.189-197.

Kreja B. Słowotwórstwo apelatywne pochodzenia proprialnego w języku polskim. // Studia i szkice słowotwórcze. Gdańsk 2002, s. 21-26.

Smoczyński P. Nomina appellativa i propria we wzajemnym oddziaływaniu słowotwórczym. // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego XXI, 1962, s. 61-82.

Szymczak M. Nazwy stopni pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. Warszawa 1966.

Szymczak M. O analogii semantyczno-słowotwórczej w polskiej terminologii rodzinnej. // Prace Filologiczne XIX, 1969, s. 119-126.

Tokarski R. Struktura pola.znaczeniowego (studium językoznawcze). Warszawa, 1984.

Warchał S. Geneza i rozwój słowiańskich formacji ekspresywnych z sufiskalnym *-k-i-c-*. Warszawa-Łódź 1984.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

БТС – Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

МАС – Словарь русского языка в четырех томах. Гл. ред. А.П. Евгеньева. Москва, 1981-1984.

ТС – Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка. Под ред. В.В. Морковкина, М., 2000.

InSl. – Inny słownik języka polskiego. Red. M. Bańko. T.1-2. Warszawa 2000.

PSWPZg. – Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny. Red. H. Zgołkowa. T. 1-50. Warszawa, 1994- 2005.

SJPDor. – Słownik języka polskiego. Red. W. Doroszewski. T. 1-11. Warszawa, 1958-1969.

SJPLin. – Linde S.B. Słownik języka polskiego. T. 1- 4. Warszawa, 1807-1814.

SJPSzym. – Słownik języka polskiego. Red. M. Szymczak. T. I-III. Warszawa, 1978-1981.

SJPWar. – Karłowicz J., Kryński A., Niedzwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. I-VIII. Warszawa, 1927.

SIStp. – Słownik staropolski. Warszawa, 1953 i nast.

SWIPDun. – Słownik współczesnego języka polskiego. Red. B. Dunaj. T. 1-2. Warszawa, 1999.

© Зых А., Червиньски П., 2007

Красильникова Н. А.

Новоуральск, Россия

**«В ПЛЕNU У РУССКОГО МЕДВЕДЯ»,
ИЛИ СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В МЕТАФОРАХ
БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ**

Abstracts

Metaphors of political discourse conceptualize images of some country, political institution or a particular politician. Perception of our country abroad and foreign attitude that we can count on depend on the image of Russia created by foreign mass media. At that, one has to keep in mind that political metaphors are a most powerful means of manipulating public conscience, the cunning part of which is its latent impact that only a specialist is able to identify and confront. This article considers the metaphorical image of Russia and its President that is being created in the political discourse of the United States of America and Great Britain.

Для России 2006-ой год прошел крайне неоднозначно. Голубое небо благополучия, под которым был увеличен ВВП, погашены международные долги, созданы национальные проекты, направленные на повышение уровня жизни и развитие общества, омрачила цепь темных туч преступлений, которые разразились страшными грозами как внутри, так и за пределами государства. Бурная необъяснимая стихия при-

несла на небосклон политического дискурса новые яркие концептуальные метафоры, отражающие отношение той или иной страны к событиям, происходящим в России в период президентства В.В. Путина.

В данной статье метафорическое представление путинской России в британских и американских СМИ рассматривается с точки зрения когнитивного аспекта политической лингвистики. К исследованию привлекались следующие издания: The Economist, The Financial Times, The Guardian, The Times; Business Week, Chicago Tribune, Los Angeles Times, The American Spectator, The International Herald Tribune, The National Interest, The New York Times, The Wall Street Journal, The Washington Post, The Washington Times.

Большинство американских и британских СМИ возмущены антидемократическим развитием России и напуганы растущим количеством нераскрытых политических убийств, в связи с чем большая часть рассмотренных нами метафор, в которых концептуализируется образ России, Кремля, российского президента и общества, носят пейоративный характер и направлены на дискредитацию страны в целом. Напр.: *President Bush and Secretary of State Condi Rice have ramped up their criticism of what they see as Mr. Putin's backsliding on democracy.* (Президент Буш и госсекретарь Конди Райс увеличили объем критики того, что они называют отказом [скользжением назад] господина Путина от демократии.) [Arnaud de Borchgrave]; *So what Russia has now is an infantile democracy built through Soviet tools, and the freedom to shop... It takes only a moment for the fragility to show.* (Итак, что же сегодня имеет Россия? Детскую демократию, выстроенную советскими средствами, и свободу ходить по магазинам... Хрупкость такой системы может проявиться в любой момент.) [Walsh].

Прагматический смысл метафоры УСКОЛЬЗАЮЩЕЙ ОТ ДЕМОКРАТИИ РОССИИ, созданной первыми лицами США и незамедлительно подхваченной американскими СМИ, такой же неопределенный, как само «скользжение» – этакая дипломатическая уловка. Она не произвела бы международный скандал, но латентно настраивает население страны-поборницы демократии и прав человека на противопоставление России и США в лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ.

С этой же позиции жителям демократически развитых стран российская демократия представляется как ребенок, нежный и хрупкий, в то же время неопытный, неразвитый и нуждающийся в верном воспитании. Прагматический потенциал метафорической модели РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ – РЕБЕНОК, рожденной британскими журналистами, направлен на формирование снисходительного отношения к ней, и одновременно на возбуждение интереса к тому, как этот ребенок будет развиваться. Таким образом, внимание и интерес читателя акцентируется на наблюдении за Россией и соответственно сопоставлении ее с собой, что может привести к идеологии постоянного сравнения, где Россия будет выступать как антипод демократического государства. Похожая ситуация сложилась в СССР, когда политический дискурс

был направлен на противопоставление России Западу.

Случаются в политическом дискурсе США и Великобритании и выступающие в защиту России журналисты, которые не боятся использовать прямые номинации, утверждая, что дискредитация России со стороны западной прессы и политики находится на грани дискриминации по национальному признаку. Статья, опубликованная The Guardian 4.12.2006 года, называется *In bed with Russophobes* («В постели с русофобами»). Несмотря на то, что автор данной статьи является СВОИМ для британцев, он не является ЧУЖИМ и для русских. Свое отношение к России он выражает с помощью кавычек и развенчания созданный негативных образов. Ср.: ...any Russian involvement in the affairs of its neighbours has been spun as an attempt to recreate the "evil empire". (...любое российское участие в делах соседей изображается как попытка воссоздать "империю зла").; Every measure Putin has taken has been portrayed by the Russophobes as the work of a sinister totalitarian. (Любые принимаемые Путиным меры русофобы изображают как дело рук зловещего деспота.) [Clark]

Создаваемые в политическом дискурсе образы РОССИЯ – ИМПЕРИЯ ЗЛА и ПУТИН – ДЕСПОТ в данном случае выступают в качестве необоснованных, и, следовательно, несостоятельных метафорических моделей. В результате изменения значения направление их концептуального вектора меняется на обратное, что заставляют реципиента усомниться в честности тех, кто целенаправленно создает ложные образы.

Однако, следует отметить, что метафорические модели РОССИЯ – ЗЛОВЕЩЕЕ МЕСТО, ПУТИН – ДЕСПОТ являются весьма распространеными в политическом дискурсе Великобритании. Ср.: However, Mr Putin has reassured the Kremlin's authority by riding roughshod over the rights of others, including businessmen, journalists and regional governors. (Тем не менее, господин Путин восстановил власть Кремля, деспотически раздавив [верхом на лошади, подкованной шипами] права всех остальных – в том числе бизнесменов, журналистов и губернаторов регионов.) [The Financial Times]; But, whoever is behind the recent spate of killings, Vladimir Putin's Russia looks like an increasingly sinister place. (Но кто бы ни стоял за нынешней волной убийств, Россия Владимира Путина все больше выглядит как довольно зловещее место.) [Rachman].

Несомненно, концептуальный вектор таких ярких и откровенно негативных метафор направлен на нагнетание в подсознании адресата страха и ужаса по отношению к России и ее лидеру. Поддерживаемый журналистами образ, а, следовательно, и сферы-мишени метафорической экспансии вызывают резкое отторжение читателем ввиду своей агрессивности.

Интересно, что американские СМИ не торопятся навесить на Россию и ее президента подобные ярлыки и ограничиваются сравнением с другими странами, выбирающими для себя недемократический путь развития. Напр.: So Russia in some ways appears a little like China, where the economy flourishes with new freedom but politics remain

tightly controlled. Or in other ways, it seems like Hugo Chavez's Venezuela. Or Augusto Pinochet's Chile. Or all of the above. There was a reason the old monarch was called the Czar of All Russias. (В этом смысле Россия в чем-то напоминает Китай: экономика пользуется свободой и процветает, а политическая сфера остается под жестким контролем. В чем-то Россия напоминает венесуэльский режим Уго Чавеса, или чилийский – Августо Пиночета, или даже все их вместе взятые. Недаром в старину монарха называли 'Царем Руси Великия, Малыя, Белыя и прочая': нынешняя Россия – это несколько стран в одной.) [Baker].

Следует отметить, что сфера источник монархия часто привлекается как американскими, так и британскими СМИ для метафорической экспансии образа России и ее правителя. Ср.: Could the poisoner be from Prince Putin's court? (А не из двора ли князя Путина отравитель?); Russia does not have a government; it has a prince, and a court riven by factions trying to win access to the resources they crave. (У России нет правительства; у нее есть князь и двор, расколотый на фракции, которые пытаются заполучить доступ к желанным ресурсам.); For all the "power" he has engrossed, Putin cannot impose coherence on his squabbling entourage, which is why Russia remains badly governed. (Несмотря на всю ту власть, которую сосредоточил в своих руках Путин, он не может навести внутренний порядок и создать согласованность в действиях своей вздорной свиты.) [Skidelsky]; Vladimir Ryzhkov, an independent member of parliament, says that Mr Putin may see himself as an emperor, but not as a Führer. (Независимый депутат российского парламента Владимир Рыжков говорит, что Путин, возможно, видит себя императором, но никак не фюрером.) [Playing...]; Again, Russia is waiting for Godunov. (Россия вновь ждет Годунова) [Medish].

Монархические метафорические модели РОССИЯ – МОНАРХИЯ, ПУТИН – ЦАРЬ свидетельствуют о том, что о России до сих пор судят, опираясь на ее историческое прошлое. Царственные правители России всегда были недосягаемы и богоизбраны для русских, им поклонялись, их безмолвно слушались. В политическом дискурсе США и Великобритании часто выстраивается аналогия между царской Россией и Россией В.В. Путина. Западную прессу удивляет тот факт, что, несмотря на лишение демократических свобод и тотальный контроль сверху, рейтинг Путина в России необычайно высок, следовательно, этот народ выбирает для себя именно такого правителя. Ничего не меняется в национальном сознании – русские предпочитают порядок и сильную власть. Хотя надо заметить, что «очарованы» харизматичным «самодержцем» России не только россияне, но и лидеры других государств. Ср. Mr Putin has exercised a strange fascination over his western colleagues. George W. Bush famously suggested that he had glanced into his Russian counterpart's soul and liked what he had seen. (Господин Путин вызывает странное восхищение у своих западных коллег. Широко известно заявление Джорджа Буша о том, как он заглянул в душу своему партнеру, и увиденное там ему понравилось.); Others to fall for the charming Russian president have been Messrs Chirac, Schröder and Silvio Berlusconi of Italy. (Чарам российского президента поддались также Ширак, Шредер и итальянец Сильвио Берлускони.); There are no longer any excuses for

infatuation with Mr Putin. But it is usually unwise to swing straight from adoration to loathing. Mr Putin may not be a soulmate. But he is not an enemy of the west either. (Больше для такой безрассудной страсти к Путину не существует оснований. Однако было бы неразумно напрямую переключаться с обожания на отвращение. Возможно, Путин и не задушевный друг. Но он и не враг для Запада.) [Rachman]

Метафорические модели ПУТИН – ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ, ПУТИН – НЕ ВРАГ отражают положительное восприятие президента России как «героя дня без галстука». Прагматический смысл данных метафорических моделей соприкасается с психологией межличностных отношений влюбленных или любящих супругов. Концептуальный вектор данных метафор направлен на создание чувства уверенности в человеке, восхищения им и счастья оттого, что он всегда рядом.

В создании метафорических моделей, воссоздающих отношения между проявляющими симпатию друг к другу людьми, часто используется прием персонификации России и других стран, которые хотели бы добиться ее расположения или дружбы. Напр.: *Engaging Russia, as Mr. Bush says he wishes to do, means dropping gratuitous insults about its lack of democratic virtues. Such advice is best rendered in private. Russia is at a crossroads.* (Обрнуться с Россией, как хотелось бы господину Бушу, означает отказаться от незаслуженных оскорблений относительно недостатка демократических добродетелей в этой стране. Такой совет лучше всего давать конфиденциально. Россия находится на перепутье.) [Arnaud de Borchgrave]; *The west has no choice save to continue the weary struggle to engage with Moscow.* (У Запада нет выбора, кроме продолжения утомительной борьбы за руку Москвы – хотя он уже и устал от этого.) [Hastings].

Однако, всем известно, что от любви до ненависти один шаг, и он был сделан на страницах британской *The Guardian* 27.11.2007 года. В статье под *"Corruption, violence and vice have triumphed in Putin's Russia"* («В путинской России празднуют победу коррупция, насилие и порок») был сделан вывод о том, что Великобритания, которая всегда любила и поддерживала Россию, нанесено личное оскорбление. Следовательно, страна должна отомстить за предательство. Ср.: *It is precisely because we feel goodwill towards them that there is something of the bitterness of rejected courtship in our response to their recent behaviour, of which the apparent murder of Alexander Litvinenko is a bleak manifestation.* (И именно потому, что в нас есть чувство доброй воли по отношению к ним, наша реакция на их поведение, ярким показателем которого является смерть Александра Литвиненко, наступившая, вероятнее всего, в результате убийства, больше всего напоминает чувства отвергнутого влюбленного); *Instead we must confront a defiant new Russia, fortified by possession of a substantial part of the world's oil and gas reserves in an era when energy competition will be critical.* (Вместо этого мы должны бороться уже с дерзкой новой Россией, укрепившейся за счет обладания значительной частью мировых запасов нефти и газа в эпоху, когда конкуренция за энергоресурсы является особенно острой.) [Hastings].

Аналогия отношений между странами с не-

разделенной любовью близка и понятна всем, что усиливает прагматический эффект метафорической модели РОССИЯ – ДЕРЗКАЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Концептуальный вектор данной модели направлен на воскрешение в памяти человека самых болезненных моментов межличностных отношений и на соответствующую реакцию: либо желание отомстить, либо забыть и никогда не вспоминать.

Интересно отметить, что когда в контексте событий в России упоминаются другие страны, американские СМИ, как правило, сравнивают политическое развитие России с собственным или ссылаются на Европу. И в первом, и во втором случае американский политический дискурс настроен предупредительно. Ср.: *The 15-year path from the demise of Gorbachev to the rise of Putin is instructive at a time when Washington is talking about planting democracy in hard soil around the world.* (Сегодня, когда Вашингтон говорит о пересадке семян демократии в почвы всего мира, из пятнадцатилетнего пути России от заката Горбачева до восхода Путина можно и должно извлечь ценнейший урок); *Little wonder, then, that Russian officials bristle when lectured by the West about democracy.* (Если все это учитывать, то совсем неудивительно, что российская власть так оштенивается, когда Запад начинает учить ее демократии.) [Baker]; Unfortunately for the Europeans, a number of their governments are cementing a relationship with Vladimir Putin's Russia which, in effect, will make them hostages of the Russian bear. Russia already accounts for 26 percent of Europe's gas imports. (К несчастью европейцев многие из их правительств укрепляют [цементируют] отношения с Россией Владимира Путина, что в действительности превратит их в заложников русского медведя.) [Rahn].

В то время как действия Вашингтона ассоциируются с земледелием, закладыванием новой жизни на неплодородной почве мира вокруг США, Кремль и Россия снова изображаются посредством концептуальных метафор, использующих в качестве сферы источника мир животных. ЧИНОВНИКИ России уподобляются СВОРЕ СОБАК, а сама РОССИЯ под руководством Путина – это МЕДВЕДЬ, мощный, сильный, дикий, устрашающий, способный удерживать других в плену. Такие агрессивные метафоры прагматически запрограммированы на устрашение читателя. Концептуальный вектор этих метафорических моделей направлен на создание в сознании читателя образа России как рычащего и угрожающего животного.

Британские СМИ, говоря о других странах в контексте России, обращают свой критический взгляд в сторону США. Ср.: ... we should be wary about jumping on a bandwagon orchestrated by the people who bought death and destruction to the streets of Baghdad, and whose aim is to neuter any counterweight to the most powerful empire ever seen. (... нам следует проявлять осторожность и не спешить присоединяться к общему оркестру, которым дирижируют люди, принесшие смерть и разрушения на улицы Багдада, и стремящиеся уничтожить любой противовес самой мощной в истории империи.); *As part of their strategy, Washington's hawks have been busy promoting Chechen separatism in furtherance of their anti-Putin campaign, as well as championing some of Russia's most notorious*

oligarchs. (В рамках своей стратегии واشنطنские ястребы активно поощряют чеченский сепаратизм в целях содействия своей антипутинской кампании, а также защищают некоторых пользующихся дурной славой российских олигархов.) [Clark]; *Though George Bush's follies have debased the coinage of freedom and democracy, these remain noble objectives, never likely to be shared by Moscow. This is a city where taxi drivers see no embarrassment in carrying miniature portraits of Stalin on their dashboards...* (Хотя Джордж Буш своими безрассудствами вырвал идеологическую основу из под таких понятий, как свобода и демократия, как цели развития они по-прежнему остаются благородными – но Москва, этот город, в котором таксисты не стесняются держать у себя на панели миниатюрные портреты Сталина...) [Hastings].

США, а точнее Президент США, в британском политическом дискурсе ассоциируется с **БЕЗРАССУДСТВОМ**, стремлением к уничтожению любого конкурента. Метафора мира *животных и птиц* словно бумерангом возвращается к своему создателю. Прагматический смысл метафорической модели ПОЛИТИКИ ВАШИНГТОНА – ЯСТРЕБЫ вызывает страх перед агрессивной хищной птицей с длинными острыми когтями, способной в одно мгновение растерзать свою жертву.

Примечательно в этой связи употребление *театральной* метафоры. АМЕРИКА представляется как ОРКЕСТР под руководством своей правящей элиты, которая легким движением палочки ДИРИЖЕРА ведет оркестр на разрушение и уничтожение сил противника. Концептуальный вектор этой развернутой метафоры направлен на зомбирование и обезличивание американского народа в глазах британцев, который слепо следует указаниям своего вождя, что приводит к смертельным последствиям.

Подавляющее большинство комментариев, характеризующих современную Россию, связанны с отравлением Александра Литвиненко, которому довелось случиться на территории Великобритании. Корни таинственной смерти бывшего русского шпиона западные журналисты нашли на страницах русской истории, окрестив отравление – старой русской традицией избавления от людей, неугодных властям. Многие отмечают, что случившееся с Литвиненко больше похоже на вымысел автора детективов, а не на действительность. *The grisly death of Alexander Litvinenko by radioactivity in London has created one of the supermysteries of our time. The victim's bizarre metamorphosis from Soviet spook to Muslim human-rights champion-in-exile goes far beyond anything Le Carré would have dared, and the rest of the plot is hopelessly impenetrable.* (Ужасающая смерть Александра Литвиненко в Лондоне, вызванная радиацией, стала одной из самых больших тайн нашего времени. До такого выверта, как превращение жертвы из советского шпиона в чемпиона-поборника прав человека, к тому же мусульманина, не додумался бы никакой Ле Карре; что же касается остальной части сюжета, то она вообще окутана непроходимой тьмой.) [Schmemann]; *The unsolved poisoning is an old Russian tradition.* Historians are still arguing about the role of poison in the death of Ivan the Terrible in 1584 – as well as in those of Rasputin in 1916 and Maxim Gorky in 1936.

(Нераскрытое отравление – это старая русская традиция. Историки все еще спорят по поводу той роли, которую сыграл яд в смерти Ивана Грозного в 1584 году, Распутина в 1916-м и Максима Горького в 1936-м.) [Rachman].

Возвведение отравления в ранг СТАРОЙ РУССКОЙ ТРАДИЦИИ осуществляется с очевидной целью манипуляции сознанием читателя, поскольку направлено на формирование недоверия к стране и народам, живущим в ней, и желания держаться в стороне от страны с такими жуткими традициями.

В британских СМИ часто пишут о том, что Россия охвачена серьезным психическим заболеванием. Представление РОССИИ как душевно болльного организма свидетельствует об отношении к России как к умственно неполноченному организму, подверженному устойчивому бреду. С такой страной исключены серьезные дела и отношения, т.к. она больна, нуждается в изолировании от общества илечении. *Western revulsion from Russian behaviour, including the murder of Litvinenko, merely feeds Russian paranoia.* (Отвращение Запада, порождаемое поведением России и в том числе убийством Литвиненко, лишь усиливает [подкармливает] российскую паранойю.) [Hastings]; *Putin can never know how popular he truly is, so instead paranoia sets in, the Kremlin stifling anything that could upset his dominance of the political scene.* (Путин не знает точно, насколько он в действительности популярен, поэтому у Кремля начинается паранойя и он душит на корню все, что можно противопоставить господству Путина на политической арене.) [Walsh].

Другим распространенным образом, эксплуатируемым для разоблачения и уничижения России в политическом дискурсе США и Великобритании, является метафорическая модель РОССИЯ – БАНДИТСКОЕ ГОСУДАРСТВО, опасное место, где торжествуют коррупция и порок. Ср.: *Corruption, violence and vice have triumphed in Putin's Russia* (В путинской России празднуют победу коррупция, насилие и порок.); *Instead, to our bewilderment, Russia is institutionalising a state gangster culture which promises repression and ultimate economic failure for itself, fear and alienation from the rest of the world.* (Как бы там ни было, Россия, к нашему полнейшему замешательству, возводит в ранг политики культуру государственного бандитизма, своему народу обещающую лишь репрессии и окончательный экономический развал, а остальному миру – страх и отчуждение.) [Hastings]; *Who are all these Russian "businessmen," a term that seems to cover anything from a government minister to some of the richest thieves on earth?* (Кто на самом деле все эти российские 'businessmen'? Такое впечатление, что это слово уже обозначает все что угодно – от ministra правительства до одного из самых богатых мошенников на планете.) [Schmemann]; *Organized crime gangs teamed up with former KGB operatives who used their knowledge of financial conduits abroad to literally plunder the country.* (Организованные преступные группировки объединились с бывшими оперативными сотрудниками КГБ, использующими свои знания финансовых подземных ходов за границей, чтобы в прямом смысле грабить страну.) [Arnaud de Borchgrave].

Устойчивое использование метафорической модели РОССИЯ – БАНДИТСКОЕ ГОСУДАРСТВО закрепляет в сознании адресата перманентное

желание держаться подальше от этой страны. Наиболее яркие метафоры используются при упоминании о Кремле и его главных лицах, действующих не менее агрессивно, чем бандиты. Ср.: *Oh yes, there are politics in the Kremlin, vicious politics. It's just that they've reverted to the form famously described by Winston Churchill as a bulldog fight under a rug: "An outsider only hears the growling, and when he sees the bones fly out from beneath it is obvious who won."* (Политики в Кремле предостаточно, причем злой и жестокой – они просто вернулись к старым ее формам, говоря о которых, Уинстон Черчилль и употребил выражение 'схватка бульдогов под ковром': 'сначала наблюдатель слышит только рычание, а когда из-под ковра летят кости, уже понятно, кто победил'); *So long as Putin remains strong, the men around him will appear totally loyal. Under the rug, however, the knives are already out.* (Пока Путин останется в силе, его окружение будет по-прежнему всячески выказывать ему свою верность. Однако те, кто под ковром, уже точат ножи для схватки.); *For now it is in Putin's interest to stay out of the fray. Once he proposes an heir, after all, he's a dead duck – sorry, lame duck.* (Поэтому сам Путин сегодня больше всего заинтересован в том, чтобы ни в какие схватки не вступать: ведь стоит ему объявить, кто будет преемником – и он [мертвая утка] (то есть в чисто политическом смысле, конечно.) [Schmemann].

Интересно, что для изображения участников политической жизни России во многих случаях прибегают к использованию сферы источника метафорической экспансии **животные**. РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИКИ – СИЛЬНЫЕ И АГРЕССИВНЫЕ ЖИВОТНЫЕ, готовые в любую минуту напасть и убить друг друга. В этой связи кажется вполне оправданным употребление **милитарной** и **морбидальной** метафоры, поскольку драка животных это жестокое сражение, которое может привести к гибели участников. Однако за этим рядом метафорических образов скрываются не преступники и не заключенные, а главные политики России, и такая метафорическая экспансия очевидно дискредитирует правящую элиту России и утверждает читателя в мысли, что с политическими отношениями с Россией чрезвычайно опасны.

Примечательным является тот факт, что экстремальные формы поведения приписываются в американском и британском политическом дискурсах не только верхней страте российского общества, но и самому русскому народу, вызывая в памяти старинную русскую мудрость: «С волками жить, по-волчьи выть». Ср.: *Russian responses to western failures of deference have often been indistinguishable from those of the yob on a suburban train who assaults an innocent commuter because he dislikes the way the man looks at him.* (Реакция русских на то, что Запад не выказывает по отношению к ним должного уважения, очень часто неотличима от действий хулигана в электричке, избивающего ни в нем не повинного пассажира, потому что ему не понравилось, как тот на него смотрел.); *Why, having tasted freedom and democracy, should they wish to return to the murderous practices of Stalinism?* (Почему сейчас, когда русские наконец узнали вкус свободы и демократии, они решили вернуться к убийствам эпохи сталинизма?) [Hastings]; *It's easy to pick on*

the Russians. They miss being a world power. They seem to be up to their eyes (as always) in intrigues. (Издеваться над русскими очень легко. Они скучают по тем временам, когда их страна была великой державой. Они полностью поглощены (как, впрочем, всегда) интригами.) [Madigan].

В приведенных примерах РУССКИЕ представляются как АГРЕССИВНЫЕ ХУЛИГАНЫ, способные на необъяснимые жестокие поступки. Концептуальный вектор данного образа направлен на предупреждение бдительных и аккуратных американцев и британцев об экстремальности и неадекватности поведения русских. Данная метафора красноречиво убеждает читателя, что русские – ЧУЖИЕ и никогда СВОИМИ не станут. Зная вкус свободы они предпочитают не утруждать себя раздумьями, что и как делать, а делать так, как им скомандуют. Их история это не только история государственных отравлений, но и история многочисленных интриг, которые не дают обществу расслабиться. В британском политическом дискурсе русские становятся своеобразным собирающим образом ЭКСТРЕМАЛОВ, не отказывающихся от контроля сверху и влюбленных, как это ни странно, в деньги. Ср.: *And so it follows, on the pendulum of extremes that is society here, that while the country's direction can be intensely sad and worrying, it should, just moments later, be intensely hopeful.* (Общество в этой стране – маятник, качающийся из одной крайности в другую. Если направление, в котором оно идет, вызывает печаль и тревогу – значит, через несколько секунд оно обязательно покажет блестящие перспективы.); *Russians have fallen irreversibly in love with denghi – their ugly word for money – and the mobility and riches of the globalised world.* (Русские безвозвратно впали в любовь к тому, что здесь называется некрасивым словом 'denghi'. Они навсегда полюбили мобильность и блага, которые дает глобальный мир.) [Walsh]; *How can they acquiesce in Putin's restoration of tyranny? Here is a nation suddenly granted wealth which might enable its people to become prosperous social democrats like us.* (Как могут русские молча соглашаться на восстановление Путиным тирании в стране? Это нация, на которую незданно-негаданно свалилось богатство, которое может сделать их общество таким же процветающим и социал-демократическим, как наше.) [Hastings].

Оригинально и свежо смотрится в политическом дискурсе метафора нечаянно СВАЛИВШЕГОСЯ на россиян БОГАТСТВА, обнажающая такое ранее неизвестное качество русского национального характера как АЛЧНОСТЬ к деньгам. Несомненно, такой образ современных русских создан с pragматической целью унижения народа России в глазах читателей. Хотя указанные характеристики являются не особенностью какой-то нации, а общечеловеческими слабостями, людям несвойственно проецировать недостатки на себя. Таким образом, русские снова оказываются ЧУЖИМИ в лингвокультурологической дилемме СВОИ-ЧУЖИЕ.

В лучшем случае в анализируемых статьях Россия нашего времени оценивается под общим лозунгом «ни друг, ни враг». Отдельные журналисты, зачастую проработавшие в России

продолжительный период времени, пытаются писать о нашей непостижимой стране в позитивном ключе, разбавляя поток уничтожительных публикаций. В их статьях акцент ставится на увеличившемся благосостоянии населения страны и на изменениях мнения россиян о том, каким должно быть цивилизованное общество. Ср.: *Russia is swimming in money; its economy has grown fivefold under Putin, from \$200 billion to \$920 billion, and the once-destitute government has paid off its international debt in full and early.* (Россия буквально купается в деньгах, за годы правления Путина ее экономика выросла впятеро – с 200 миллиардов долларов до 920 миллиардов, а правительство, еще не сколько лет назад нищее, уже полностью, причем досрочно, погасило весь свой внешний долг.) [Baker]; *My 4 years here have seen an ugly surge of authoritarianism in Russia but also vast economic freedoms; the broad repression of dissent, but also a hardened popular understanding of how a proper, civilised society should be...* (За те четыре года, что я провел в России, я увидел жуткий всплеск авторитаризма, но при этом огромное расширение экономической свободы; увидел репрессии в отношении инакомыслящих, но при этом укрепление в массовом сознании определенных принципов того, каким должно быть нормальное цивилизованное общество...) [Walsh]; *Ostensibly these reforms are aimed at strengthening Russia's hand in fighting terrorism...* (Очевидно эти реформы направлены на [укрепление силы руки] России в борьбе с терроризмом.) [Sevunts].

В цитируемых высказываниях латентное психологическое воздействие на читателя оказывается посредством метафорических моделей РОССИЯ – БОГАТАЯ СТРАНА, РОССИЯ – СИЛЬНАЯ СТРАНА. Если учесть, что как в американском, так и британском национальном сознании существует отношение к богатству как к результату колоссального труда, то концептуальные векторы метафор «купания в деньгах» и «укрепления силы» направлены на привлечение внимания к преобразившейся, помолодевшей и набирающей силы стране. Это формирует уважение к долгожданной эволюции в российском обществе, лишенном возможности движения вперед в прошлом веке.

Таким образом, в ярком сиянии метафор, представляющих путинскую Россию в политическом дискурсе США и Великобритании «заложниками русского медведя», оказываются не только иностранные государства, зависящие от энергоресурсов России, но и сама Россия, угодившая в ловушки, расставленные историей государства с сильной властью, сосредоточенной в руках самодержца, и демократией в зародыше. По представлению западных СМИ, страна находится в пленах своих традиций, к сожалению, далеко не радужных. Другими словами, исследование метафорического представления современной России показало, что на зарубежном политическом дискурсе складывается удручающий и наводящий страх имидж России. О том, что это за явление, черный пиар или реальное состояние дел в стране, большинство иностранных граждан, получающих сведения о России из рассмотренных СМИ, не задумыва-

ются. Может быть, есть смысл самой России задуматься над улучшением своего имиджа на международной арене?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Arnaud de Borchgrave. Using cues of the past // The Washington Times, May 10, 2005.
 Baker P. Which Way Did It Go? // The Washington Post, Dec. 25, 2006 // <http://www.washingtonpost.com>.
 Clark N. In bed with Russophobes // The Guardian, Dec. 4, 2006 // <http://www.guardian.co.uk>.
 Hastings M. Corruption, violence and vice have triumphed in Putin's Russia // The Guardian, Nov. 27, 2006 // <http://www.guardian.co.uk>.
 Madigan C. M. Finding another Russia // Chicago Tribune, December 27, 2006 // <http://www.chicagotribune.com>.
 Medish M. Again, Russia is waiting for Godunov // Financial Times FT.com, Dec. 7, 2006 // <http://www.ft.com>.
 Playing a dangerous game // The Economist, May 11, 2006 // <http://www.economist.com>.
 Rachman G. Neither friend nor foe, Russia tests the limits of realism // The Financial Times, Dec. 5, 2006 // <http://www.ft.com>.
 Rahn R. W. Russian bear sets a trap // The Washington Times, Dec. 1, 2006.
 Schmemann S. A guide to what's happening in Russia // The International Herald Tribune, Dec. 19, 2006 // <http://www.iht.com>.
 Sevunts L. Vladimir the Great roiling Russia // The Washington Times, Nov. 14, 2004.
 Skidelsky R. Could the poisoner be from Prince Putin's court // The Times, Nov. 20, 2006 // <http://www.timesonline.co.uk>.
 The Kremlin is killing Russia's rule of law // The Financial Times, Dec. 4 2006 // <http://www.ft.com>.
 Walsh N. P. How I learned to love Vlad // The Guardian, July 31, 2006 // <http://www.guardian.co.uk>.

© Красильникова Н.А., 2007

Santa Ana Otto Los Angeles, the USA

WHAT YOU SAY IS WHAT YOU GET: METAPHOR ANALYSIS OF U.S. PUBLIC DISCOURSE ABOUT EDUCATION

Аннотация

В данной статье на основе изучения целого спектра газетных статей представлен анализ современного дискурса американской прессы, посвященного проблемам образования США. Выборка была обработана с учетом положений когнитивной теории метафоры, которая объясняет особенности человеческого мировосприятия. Наше исследование – это попытка показать, как американское общество и политики изображают сферу государственного образования при помощи концептуальных метафор. Были выделены 3 модели: школа как завод, учебная программа как путь, социализация как река. Следуя когнитивной теории метафоры, эти модели определяют изменения в системе образования. Помимо этих устоявшихся метафор, автор предлагает альтернативные «партизанские метафоры», как один из способов изменить взгляд Америки на систему образования США.

U.S. newspapers regularly claim there is a crisis in American public education. The votes of the American electorate and its representatives also seem to bear out this all-too permanent institutional predicament. Voters and their representative at all levels (in local board elections, at board meetings, on state referenda, and at the federal level) have each sought to improve the public educational institution. Yet in spite of these actions, the votes, the new programs, and billions of dollars invested, American public schools have experienced minimal change. Many economic, sociological and pedagogic explanations have been given for the country's inability to make much headway, as well as